

ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ В ОЦЕНОЧНЫХ НОМИНАЦИЯХ ИСПАНСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

В статье рассматривается оценочная лексика и фразеология различных семантических сфер, включающая характеристику ленивого и неумелого, не пригодного к труду человека. Также анализируется отрицательная этическая оценка, связанная с различными аспектами профессиональной деятельности человека.

N. Med

ATTITUDE TO LABOR IN SPANISH COLLOQUIAL NOMINATION

The article discusses the axiological lexis and phraseology of diverse semantic spheres dealing with the characteristics of a lazy, clumsy and good-for-nothing in labor man. The author also concerns negative evaluation and ethics connected with different aspects of human professional activity.

Отношение к труду занимает важное место в оценочной деятельности человека, причем, как показал исследованный нами материал испанской разговорной речи, преобладает отрицательная оценка нетрудолюбивого человека, что представляется вполне естественным, поскольку положительное отношение к труду относится к области нормы, не отличающейся, как правило, разнообразием средств выражения. В основном в лексике и фразеологии испанской разговорной речи отражается негативное восприятие социумом таких понятий, как лень, неумение, неловкость, а также недобросовестное отношение к профессиональным обязанностям.

Так, концепт **ленивого человека** в испанском языковом сознании может строиться на представлении о лени как о некоем сонном состоянии, свойственном такому жи-

вотному как сурок (*lirón, marmota*). Фразеологизм **«dormir como un lirón/ una marmota»** (букв. ‘спать как сурок’), используемый для характеристики любящего поспать человека, послужил также источником для создания номинации отрицательной оценки «ленивый», где мы наблюдаем комбинацию отрицательных сенсорной, эмоциональной и рационалистических оценок.

Наименования птиц **«ganso»** (гусь) и насекомых **«zángano»** (трутень) выводят на первый план такой семантический компонент как «бесцельное времяпровождение»: *“Lo que cuesta mover al ganso de mi marido”*¹. – ‘Сколько сил надо иметь, чтобы сдвинуть с места этого **ленивца** моего мужа’. В лексеме **«zángano»** (трутень) добавляется семантический компонент «существование за счет других»: *“Claro que estas leyes para ti no rigen, ni por supuesto para el zángano de tu hijo”*². –

‘Конечно, эти правила не для тебя, и, уж, конечно, не для такого *трутня*, как твой сын’.

Состояние лени может быть связано с состоянием ничегонеделания: *estar con los brazos cruzados* (букв. ‘сидеть сложа руки’), *tocarse la barriga/las narices* (букв. ‘трогать живот/нос’): “¿Insinúas que mi hijo está en el frente *tocándose la barriga*?”³. — ‘Ты намекаешь на то, что мой сын на фронте *плюет в потолок*?’; “...*la vida del marido de la infanta Cristina consiste en pasarte todo el día tocándote las narices mientras esperas que tu mujer vuelva de donde hace como que trabaja*”⁴. — ‘...жизнь мужа инфанты Кристины состоит в том, что он проводит весь день, *считая ворон*, пока ждет возвращения жены с работы, где она делает вид, что работает’. Видимо, основным семантическим мотиватором данных значений являются свободные, не занятые трудовой деятельностью руки.

В зоне оценки отрицательного отношения к труду широко представлены фразеологизмы, включающие предметную лексику. Большое количество таких фразеологических единиц означает нежелание человека совершить элементарное действие как-либо предметом: *no dar ni clavo* (букв. ‘не забить и гвоздя’), *no dar palo al agua* (букв. ‘не ударить и веслом по воде’), *no hacer el huevo* (букв. ‘не разбить и яйца’), *no pegar ni un sello* (букв. ‘не приклеить и марку’), в которых комбинируются прежде всего отрицательные рационалистические оценки («ненормативное отношение к труду», «вредный, бесполезный», «непригодный»): “*Fermín es un vago, no da palo al agua*”⁵. — ‘Фермин жуткий лентяй, *он и пальцем не пошевелит*’; “*Me vas a decir tú a mí que no tienes tiempo. Si en los Ministerios no pegáis ni sellos*”⁶. — ‘Ты мне будешь говорить, что у тебя нет времени. Вы же в Министерстве сидите и *плюете в потолок*’.

Неумелость, непригодность в практической деятельности прежде всего закреплена за соматизмом «рука», олицетворяющим умения и навыки человека: *tener manos de trapo* (букв. ‘иметь тряпичные руки’), *no*

saber cuál es/dónde tiene su mano derecha (букв. ‘не знать, которая/где находится правая рука’), *ser un manazas* (букв. ‘быть ручищей’). Сравнение руки с тряпкой, неумение пользоваться правой рукой, основной в трудовой деятельности, использование увеличительного, часто уничижительного суффикса *-azas-* (Ср.: *manitas* ‘ловкий, умелый’, где уменьшительный суффикс *-ito-* создает положительную этическую оценку), формируют отрицательную этическую оценку на основе комбинации рационалистических оценок «ненормативный», «неблагоприятный», «неэффективный»: “*Deja que te ayude a cortar la pizza, que eres un manazas*”⁷. — ‘Давай я помогу тебе разрезать пиццу, ведь ты *безрукий*’; “*Al tirar de la cadena del wáter advirtió que estaba roto el bote sifónico del depósito, oyó el estruendo del agua y tiró con más fuerza y rompió la cadena. — ¡Vaya! — dijo. — Este manazas de Marés*”⁸. — ‘Дернув за цепочку в туалете, он обнаружил, что сломался бачок, услышал журчание воды, дернул сильнее и сломал цепочку. — Ну надо же, — сказал он. — До чего этот Марес *безрукий*’.

Для характеристики неловкого, неумелого человека широко используются метафоры «*calamidad*» (букв. ‘бедствие’) и «*desastre*» (букв. ‘катастрофа’): “*Date una vuelta por la cocina, a ver si esa calamidad de Prudencia ha hecho la comida*”⁹. — ‘Сходи на кухню и посмотри, приготовила ли ужин эта *квашня* Пруденсия’; “*Miranda es un desastre con las cremalleras*”¹⁰. — ‘Миранда *никогда не справляется* с молниями’; “...*porque en eso era tan desastre como Pepe Tous. León no encontraba nunca nada, ningún detalle, y yo se lo recordaba*”¹¹. ‘...потому что в этом он был такой же *кошмарный*, как Пепе Тоус. Леон никогда ничего не мог найти, и я обо всем ему напоминала’. Здесь семантический признак «нарушение обычного состояния, имеющее тяжелые последствия», формирует отрицательную этическую оценку на основе взаимодействия отрицательных рационалистических, гедонистической и эмоциональной оценок.

Для характеристики нерадивого, неумелого работника, выполняющего работу наспех и кое-как, используются социоморфные метафоры, обозначающие человека, занимающегося неквалифицированным, не требующим особых навыков трудом, в частности «**chapucero**» (букв. ‘жестянщик’) и «**churrero**» (букв. ‘чурреро’, человек, готовящий и продающий чурро/пышки): “*Eres un chapucero, en vez de arreglarme la plancha, me la has roto del todo*”¹². — ‘Ты **неумеха**, вместо того, чтобы починить мне утюг, ты доломал его окончательно’; “*Finalmente, se internó en una de esas calles que desprecian el decoro urbanístico...con bloques de edificios diseñados por arquitectos con vocación de churreros...*”¹³. — ‘В конце концов, она скрылась на одной из этих улиц, которые презирают урбанистические изыски...с блочными зданиями, спроектированными архитекторами с призванием **пирожников...**’.

Отрицательное отношение к труду может проявляться в **безнравственном отношении к профессиональной деятельности**, в нарушении морально-этических норм, существующих в обществе¹⁴. Отрицательная оценка прежде всего касается тех профессий, которые так или иначе затрагивают интересы людей, причиняют физический или моральный вред, производят негативное впечатление результатами деятельности.

Анализ материала испанской разговорной речи показал, что оценочной номинации подвергаются в большей части представители *интеллектуальных профессий*, наносящие ущерб нравственному или физическому здоровью людей. Семантические толкования, приводимые в словарях, включают прилагательные отрицательной оценки «*malo, pñsimo, incompetente*» (букв. ‘плохой, ужасный, некомпетентный’).

Среди наиболее общественно порицаемых представителей интеллектуальных профессий фигурируют **врачи**, наносящие вред пациентам своей некомпетентностью. Недаром существует пословица: «*médico ignorante y negligente mata al sano y al doliente*» (букв. ‘невежественный и небреж-

ный врач убивает и здорового, и больного’). Отметим прежде всего лексему «**medicucho**» (букв. ‘врачишка, лекаришка’) с уничижительным суффиксом *-ucho-*, создающим этическую отрицательную оценку, характеризующую низкую профессиональную квалификацию. Композит «**matasanos**» (букв. ‘тот, кто убивает здоровых’) содержит отрицательную этическую оценку, основанную на том, что невежественный врач может залечить здорового человека до смерти: “*Mientras los matasanos, que corretean por los pasillos detrás de las enfermeras para pellizcarles el culo y elevan su magnitud sobre la pirámide quejumbrosa de los pacientes (lastimosos usuarios de la paciencia), confían por todos los muertos en no tener que caer alguna vez en manos de sus colegas*”¹⁵. — ‘Когда **лекаришки** бегают по коридорам за медсестрами, чтобы ущипнуть их за зад и величественно возвышаются над пирамидами стонущих пациентов (несчастливых потребителей терпения), они клянутся всеми своими мертвецами, что никогда не попадут в руки коллег’.

Врач может опуститься до уровня ветеринара (*veterinario*). Плохой хирург или дантист в испанском языковом сознании связывается с профессией мясника (*carnicero*), грубо разделяющего тушу: “*No es un odontólogo, es un carnicero*”¹⁶. — ‘Это не одонтолог, это просто **мясник**’. Социоморфная оценочная метафора «**barbero**» (букв. ‘цирюльник’) имеет культурное основание, поскольку в прошлом нехитрые операции по вырыванию зубов входили в круг его обязанностей, таким образом подчеркивается отрицательная этическая оценка, базирующаяся на отсутствии должного профессионализма.

Можно сделать вывод о том, что негативная этическая оценка плохого врача состоит из комбинирования рационалистических оценок (отрицательной нормативной, утилитарной, телеологической), отрицательной интеллектуальной оценки (невежественный) и отрицательной эмоциональной оценки.

Очень распространенными являются также отрицательные оценочные номинации *представителей творческих профессий: писателей, поэтов, художников, музыкантов*. Здесь в формировании негативного этического значения принимают участие и отрицательные сенсорные оценки, и эстетические, нарушающие эстетическую норму и чувство прекрасного, и отрицательная интеллектуальная оценка, характеризующая результат творческих усилий как нечто неинтересное, скучное. Пословицы и поговорки, отражая национально-культурную специфику испанского менталитета, обычно подчеркивают отсутствие необходимых умственных способностей или просто безумие представителей творческих профессий: «*Músicos, pintores y poetas tienen medio perdida la chaveta*» (букв. 'музыканты, художники и поэты наполовину потеряли разум'); «*Músicos y poetas son de notar, porque tienen el seso en el calcasar*» (букв. 'Музыканты и поэты особый народ, потому что у них мозги в пятках').

Так, **плохой поэт**, лишенный таланта и воображения, складывающий убогие вирши, может характеризоваться в испанском языковом сознании как **poetastro** (букв. 'поэтишка', псевдопоэт), пишущий много и плохо, или **poetilla** (букв. 'поэтишка'), жалкий и лишенный творческих способностей, или как **poeta de café** (букв. 'поэт из кафе'), ценителями поэзии которого являются лишь завсегдатаи кафе, где он их декламирует.

Скучный, **плохой писатель** получает оценочное наименование **manchacuartillas** (букв. 'тот, кто марает/пачкает бумагу') в силу бесполезности этого занятия. Лексема **plomífero** (букв. 'содержащий свинец', перен. 'скучный') также закрепилась за скучным, неинтересным писателем. В основе данного переноса лежит метафорический перенос от конкретного к абстрактному. Свинец является тяжелым металлом, так и скучный писатель давит тяжестью своего нудного творения на читателя. За метафорой **gacetillero** (букв. 'хрони-

кер, газетчик') закрепилось обозначение плохого писателя по аналогии с репортером, быстро кропающим свои репортажи. Нами зафиксирована всего одна зооморфная метафора, обозначающая плохого поэта или писателя **batraccio** (лягушка). Возможно, данная номинация имеет культурное основание: хор лягушек в комедии Аристофана, без умолку повторяющий бессмысленные звуки: брекекекекс, коакс, коакс.

Бесталанные художники также осуждаются и высмеиваются обществом. Так, лексический композит **pintamonas** (букв. 'тот, кто рисует обезьян') ассоциируется с детскими рисунками, изображающими людей, а идентифицирующий фразеологизм **pintor de brocha gorda** (букв. 'художник с толстой кистью', 'маляр') употребляется по отношению к грубо малюющему свои произведения художнику: "*No creo que tenga mucho dinero, porque es pintor de brocha gorda, de los que emplean el pincel en puertas y ventanas*"¹⁷. — 'Я не думаю, что у него много денег, потому что он просто маляр, разрисовывающий двери и окна'.

Следует отметить, что социоморфные метафоры понижают статус работника внутри одной и той же категории: pintor – pintor de brocha gorda; médico – veterinario; catedrático-maestro de escuela; tenista-recogepelotas¹⁸.

Плохие музыканты и исполнители также имеют свои отрицательные оценочные номинации в испанской разговорной речи. Например, не очень одаренный музыкант, певец, артист получает наименование **telonero** (букв. 'работник сцены, отвечающий за кулисы'), поскольку ему приходится выступать только в самом начале, после поднятия занавеса: "*Cuando enseguida me hice popular gracias a las películas, regresé al Teatro Lírico, sólo que esta vez no como telonera, sino con un espectáculo con el Trío de Calaveras y en el que Pedro Vargas y yo éramos los que cortábamos el bacalao*"¹⁹. — 'Когда я стала популярной благодаря фильмам, я вернулась в Лирический Театр, но уже не как актриса

са, выступающая в самом начале, а в спектакле «Трио Повес», в котором мы с Педро Варгасом были главными».

Лексема «**musiquero**» (букв. 'подставка для нот') характеризует бездарного музыканта по семантическому компоненту «неодушевленность».

Композит «**rascatripas**» (букв. 'скребущий кишки') по семантическому компоненту «болезненные, неприятные ощущения» обозначает плохого исполнителя, играющего на струнных инструментах.

Среди профессий, связанных с участием в общественной жизни, больше всего оцениваются политики. Профессия политика в идеале подразумевает наличие высоких нравственных принципов, дающих право руководить людьми, принимать важные решения, влияющие на судьбу государства и отдельной личности. Однако достижение политических целей зачастую связано с нарушением морально-этических норм, и поэтому оценочные номинации могут принадлежать к различным видам этической оценки и характеризовать политика не как профессионала, а с общечеловеческой точки зрения как лицемерного, трусливого, наглого, высокомерного и т. д. В паремическом фонде испанского языка политики обычно квалифицируются как легко меняющие свои убеждения пустословы: «*Carlistas y republicanos, primos hermanos*» (букв. 'Карлисты и республиканцы — двоюродные братья'); «*Parlamento, charlamiento, cuando allí se habla se lo lleva el viento*» (букв. 'Парламент — это болтовня, когда там говорят, все уносит ветер').

Заслуживают внимания способы оценки профессионального политика как такового. Устойчивый морфологический дериват с уничижительным суффиксом *-astro* (politicastro) характеризует плохого профессионала, не умеющего решать политические задачи. Лексема «**chaquetero**» (букв. 'меняющий пиджаки'), метафоризируясь, актуализирует семантический признак «частая сменяемость» и, таким образом, используется для обозначения двуличного, не-

порядочного политика, меняющего убеждения: «*¿Sabes algo de Cerezo? — Que es diputado del PSOE por Alicante. — Vaya, hombre. Otro chaquetero. Como Leopoldo, convertido nada menos que en asesor jurídico de Comisiones Obreras...*»²⁰. — 'Ты что-нибудь знаешь о Сересо? — Который депутат Социалистической Рабочей партии от Аликанте? — Да ну тебя. Еще один **перебежчик**. Как Леопольдо, ставший ни больше ни меньше, как юрисконсульт при Рабочих Комиссиях...'

Лексический композит «**besaniños**» (букв. 'тот, кто целует детей') ассоциируется в испанском языковом сознании с ищущим дешевой популярности политиком, заигрывающим с электоратом, демагогом. В настоящее время появилась еще одна интересная оценочная номинация «**florero**» (букв. 'цветочная ваза'), служащая для именования женщин, пришедших в политику и включенных в избирательные списки не из-за своих профессиональных качеств, а для заполнения выборной квоты. Здесь негативная этическая оценка связана с исходным семантическим компонентом «служащий для украшения» и базируется на отрицательных рационалистических и эмоциональных оценках, вытекающих из значения деривата.

Чиновники в испанском языковом сознании характеризуются как невежественные бюрократы, занятые исключительно бумажной работой, не требующей особого умственного напряжения: *chupatintas* (букв. 'тот, кто пьет чернила'), *cagatintas* (букв. 'тот, кто испражняется чернилами'), *burrócrata* (букв. 'ослократ'), *analfabeto de diseño* (букв. 'безграмотный даже в оформлении'): «*...como me iba a casar yo con un cagatintas*»²¹. — 'Чтобы я вышла замуж за **канцелярского пачкуна**...'; «*El resultado está a la vista: una multitud de **analfabetos de diseño**, de sinvergüenzas y de tontos del culo aplaudiendo, como en aquel viejo cuento, el admirable traje del rey*»²². — 'Результат налицо: куча **канцелярских крыс**, бесстыдников и полных придурков, аплодирующих как в сказке замечательному платью короля'.

Мы не совсем согласны с Т. В. Писановой, считающей, что семантический компонент «невежественный» отсутствует в оценочных обозначениях чиновников, в отличие от семантических комбинаций «чиновник – взяточник, стяжатель»²³. Думается, что это может быть объяснено исследованием не только испанского языка Испании, но и Латинской Америки, где взяточничество в чиновничьей среде чрезвычайно распространено. Зафиксированные же нами построения основаны исключительно на комбинировании отрицательных рационалистических и интеллектуальной оценок.

Остается еще отметить **отношение к адвокатам**, от профессионализма которых зависят человеческие судьбы. Устойчивый морфологический дериват с уменьшительно-уничижительным суффиксом *-illo-* «**abogadillo**» (букв. ‘адвокатишка’) обозначает неудачливого, плохого адвоката, неспособного выиграть судебный процесс. Лексический композит «**picapleitos**» (букв. ‘тот, кто ищет тяжбы, дела’) отражает презрительное отношение к незадачливым адвокатам, которые сами зачастую бегают в поисках клиентов: “*El abogado de Fanny, un picapleitos asignado de oficio que olfateó en aquel asesinato con tufillo satánico la oportunidad de hacerse célebre...*”²⁴. – ‘Адвокат Фанни, вернее, **адвокатишка**, назначенный судом,

который учуял в этом убийстве с сатанинским душком возможность прославиться...’. Думается, что отрицательная этическая оценка профессиональных качеств адвокатов базируется на комбинировании рационалистических оценок (ненормативный, неблагоприятный, неэффективный) в сочетании с отрицательной интеллектуальной оценкой (лишенный сообразительности) и эмоциональной оценкой.

Что касается *профессий, не связанных с умственным трудом*, то здесь мы можем отметить лишь профессию водителя, который неосторожным вождением может причинить вред пассажиру. Лексема «**dominguero**» (букв. ‘воскресный, праздничный’), метафоризируясь, приобретает значение «плохой, неопытный водитель», поскольку связана с той категорией водителей, которые ездят на своих машинах только по выходным или праздникам и, соответственно, не имеют необходимых навыков безопасного вождения. Антономазии, связанные с фамилиями знаменитых автогонщиков, чемпионов мира, Фанжио и Фитипальди образуют отрицательно-ироничные номинации лихих, безответственных водителей (*ser un fangio/un fitipaldi*), рискующих не только своей жизнью, но и жизнью пассажиров. Здесь на первый план также выходит комбинирование отрицательных рационалистических оценок.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Simeonova S. Vocabulario del español coloquial. – Moscú, 2001. – P. 78.
- ² Delibes M. Cinco horas con Mario. – Moscú, 1978. – P. 172.
- ³ Delibes M. Mi idolatrado hijo Sisí. – Barcelona, 1969. – P. 305.
- ⁴ Espaca R. de – *Querida Letizia*. Cartas a una princesa embarazada. – Barcelona, 2005. – P. 18.
- ⁵ Simeonova S. Op. cit. P. 124.
- ⁶ Vázquez Montalbán M. Galíndez. – Barcelona, 1997. – P. 23.
- ⁷ Montiel S. Memorias. Vivir es un placer. – Barcelona, 2001. – P. 150.
- ⁸ Marsé Juan. El amante bilingüe. – Barcelona, 2006. – P. 171.
- ⁹ Dios Luque J. de, Pamies A., Manjón F. J. Diccionario de insulto. – Barcelona, 2000. – P. 87.
- ¹⁰ Moix Terenci. Garras de astracán. – Barcelona, 1995. – P. 27.
- ¹¹ Montiel S. Op. cit. P. 154.
- ¹² Simeonova S. Op. cit. P. 40.
- ¹³ Prada J. M. de. La vida invisible. – Madrid, 2003. – P. 513.

- ¹⁴ *Писанова Т. В.* Национально-культурные аспекты оценочной семантики. Эстетические и этические оценки. – М., 1997. – С. 132.
- ¹⁵ *Berlanga J.* Un hombre en apuros. La odisea de un caballero moderno. – Madrid, 2003. – P. 76.
- ¹⁶ *Simeonova S.* Op. cit. P. 34.
- ¹⁷ *Varela F., Kubarth H.* Diccionario fraseológico del español moderno. – Madrid, 1994. – P. 220.
- ¹⁸ *Dios Luque J. de., Pamies A., Manjón F.* El arte del insulto. – Barcelona, 1997. – P. 182–183.
- ¹⁹ *Montiel S.* Op. cit. P. 162.
- ²⁰ *Vizcaíno Casas F.* Hijos de papá. – Barcelona, 1985. – P. 216.
- ²¹ *Zamora Vicente A.* El mundo puede ser nuestro. – Madrid, 1976. – P. 171.
- ²² *Dios Luque J. de, Pamies A., Manjón F. J.* Op. cit. P. 33.
- ²³ *Писанова Т. В.* Национально-культурные аспекты оценочной семантики. Эстетические и этические оценки. – М., 1997. – С. 137.
- ²⁴ *Prada J. M. de.* Op. cit. P. 404.